

контактам с ирреальными силами, воплощающими собой женское космическое начало бытия.

Мифологема священного брака в полной мере дает себя знать у Лермонтова в балладе “Тамара”, в которой поэту удалось максимально приблизиться к сакральной первооснове образа Великой матери богини. Царица Тамара в балладе являет собой идеальное воплощение амбивалентной природы этого образа. Она отнимает жизнь у своих избранников только в обмен на любовь. Этим она принципиально отличается от “жены Севера” из юношеского произведения поэта, для которой функция носительницы смерти являлась единственным выражением ее природы. В контексте вышесказанного становится понятной причина, заставившая Лермонтова изменить концовку легенды о царице Дарье, согласно которой она сбрасывала трупы своих ночных избранников в Терек, воплощающий в оппозиции башня / река нижний мир. С точки зрения логики мифологического мышления, это символизирует признание царицы к ее временным избранникам. В балладе Лермонтова “безгласное” тело с плачем уносится из башни любви, сопровождаемое последним “прости” царицы. Примечательно, что во всех мифологиях народов мира Великая мать богиня всегда оплакивает гибель своих временных супругов, чья смерть символизирует возрождение природной силы космоса (миф об умирающих и воскресающих богах). Так в балладах Лермонтова создается предпосылка для преодоления извечной противоположности добра и зла, проблемы, занимающей воображение поэта на протяжении всего его творческого пути.

Ю. М. Проскурина
Екатеринбург

“ВХОЖДЕНИЕ” Н. С. ЛЕСКОВА В МИР “ФИЛОСОФЕМЫ” РЕЛИГИИ И САКРАЛЬНЫХ ЖАНРОВ

До недавнего времени в нашей науке было принято чаще говорить либо об атеизме, о негативном отношении писателей к церкви, либо о муках и сомнениях, которыми сопровождались их религиозные искания. Так, при изучении Лескова обычно акцентировали характерные для него в 80-е годы (1881-1895) критические оценки церковной косности. Но писатель в 70-е годы (1869-1881) еще надеялся на обновление “поповки”, обратившись

одним из первых к ее всестороннему изображению. “Я не враг церкви, - пишет он П. Щербальскому в 1871 году - а ее друг или более: я покорный и преданный ее сын и уверенный православный - я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью”. В православии Лесков видит нравственный ориентир во мраке “умственного брожения” (Н. Страхов), что сближает его и с Толстым, и с Достоевским, позволяет отнести к так называемому философско-религиозному течению русского реализма 70-х годов. Принадлежащие к этому течению писатели, прежде всего авторы таких романов, как “Анна Каренина” (1877), “Братья Карамазовы” (1880), “Соборяне” (1872), критики, в том числе Страхов, Леонтьев, Соловьев, по-разному решали религиозные проблемы. По мнению Лескова, в народе на Руси христианство еще слабо проповедовано, оно проявляется на стихийном сердечном уровне, далеко от понимания библейских истин и обрядовых форм. Писатель считает, что истинная религиозность, преданность родному православию предполагает знание Священных книг, соблюдение церковных уставов, Этим критериям должно, в первую очередь, соответствовать духовенство, поэтому Лесков и становится колумбом “провинциальной поповки”. Уже после публикации лесковских “Соборян” (1872) появляются произведения, рассказывающие о жизни православного клира: “Дьячок” М. Недолина (1873), “Изо дня в день - записки сельского священника” В. Мещерского (1875), “Жизнь сельского священника” Ф. Ливанова (1877).

В 70-е годы интерес Лескова, внука священника, к служителям церкви совпал с возникшим у него вниманием к проблеме праведничества, лишенной сословной закреплённости. При создании “Соборян” писатель преследовал две цели: во-первых, осуждением пороков церковной жизни доказать необходимость обновления “старой поповки”, во-вторых, показать борьбу одного из лучших клириков с “вредителями русского развития”. Но Савелий Туберозов - праведник старого покроя, поскольку Лесков “в новом колене слуг алтаря” не видел “попов великих”. Хроника житейских столкновений Савелия Туберозова, его записи в “демикотовой книге” позволяют погрузиться “в глубины внутреннего мира” самого, по словам автора, драматического лица повествования, жизнь которого превращается в житие. В связи с этим интонационное поле романа приобретает торжественную, подчас трагическую окраску, чему способствует использование автором не только церковнославянской лексики, но и

сакральных жанров, в частности, проповедей, исповедей, молитв, Евангельских притч.

Лесков как-то заметил, что ему не очень удаются проповеди, может быть, поэтому они в романе пересказываются, даются в виде тезисов, планов, но полностью не цитируются. Поскольку Туберозов часто в основу проповеди кладет притчу (например, о сыновьях Вертоградаря), постольку его слово приобретает двойное усиленное дидактическое звучание. Учительный смысл проповедей, ее практическую действенную направленность отец Савелий подчеркивает ссылками на конкретные примеры из жизни, что вызывает осуждение церковных схоластов. Памятуя о том, что народ плохо разбирается в христианском учении, Туберозов старается разъяснить прихожанам содержание притчи, молитвы. Так, в тезисах своей последней проповеди ("Соборные литургии") он указывает на необходимость дать прихожанам "толкование слов: Боже, суд твой царви даждь".

Суровые торжественные интонации в романе Лескова, создаваемые с помощью сакральных жанров, церковно-славянских слов, акцентируются и соседством с инвективами в адрес, например, козней Термосесова, злоключений Препотенского, метаморфоз Бизюкиной, с комическими похождениями и рассуждениями дьякона Ахилла. Амбивалентный смех и исповедально-проповеднический тон соединяют в "Соборянах" карнавально-фольклорные и народно-религиозные начала, лежащие в основе Собора - Божьего мира. Ибо, в трактовке Лескова, Собор не только Божий дом (церковь), но и Божий мир, соборяне не только прихожане, но и Божьего мира чада. Их разобщенность, их разномыслие - следствие неблагополучия в христианском клире, за очищение которого ратует Лесков. Пафос утверждения веры, необходимость перемен в положении церкви, избрание центральным героем книги "философствующего мыслителя", психологические приемы раскрытия его неординарного характера - все это дает основание рассматривать "Соборян" как философско-психологический роман. По мнению Лескова, в малых повествовательных жанрах писатель может быть только рисовальщиком, а вот в романе он обязан быть еще и мыслителем. Мысль романиста Лескова устремлена к Богу, к религии, о которой он рассуждает со знанием ее сути, форм, с пониманием сложности положения церкви в современном ему мире.